

**Реализация принципа неприкосновенность личности при производстве следственных действий, сопряжённых с применением физического принуждения**

Уголовно-процессуальная деятельность неразрывно связана с реализацией института государственного принуждения, что неизбежно порождает вопрос о балансе между правомерными действиями властных субъектов и защитой прав личности. Наиболее остро указанный вопрос возникает при ограничении права на телесную неприкосновенность личности при производстве следственных действий, сопряженных с применением физического принуждения, необходимость в использовании которого обусловлена преодолением активного противодействия со стороны лиц, привлеченных в качестве подозреваемых и обвиняемых по уголовному делу.

В настоящее время относительно физического воздействия в рамках следственных действий процессуальное законодательство не предусматривает специальных процедур его использования и как следствие применение физической силы при производстве следственных действий не может юридически правильно оцениваться контролирующими органами относительно правомерности (как и её отсутствия) ограничения права на личную неприкосновенность. Усугубляется сложившаяся ситуация правового пробела и тем, что ст. 10 УПК РФ, закрепляющая принцип «неприкосновенность личности», не включает в своё содержание элемент, регулирующий ограничение телесной неприкосновенности. В связи с этим вопрос реализации принципа неприкосновенности личности в рамках производства следственных действий с применением физического принуждения вызывает повышенный теоретический и практический интерес.

Названное право в уголовном процессе строго охраняется законом и выражается в гарантии личной неприкосновенности каждому участнику уголовного

судопроизводства, закрепленную не только на отраслевом (ст. 10 УПК РФ), но международном и конституционном уровнях правового регулирования.

Так, право каждого на свободу и личную неприкосновенность является общепризнанным международно-правовым стандартом и находит отражение в следующих нормативно-правовых актах (далее – НПА) международного права: Всеобщая декларация прав человека (ст. 3, ч. 2 ст. 29), Международный пакт о гражданских и политических правах (ч. 1 ст. 9), Конвенция о защите прав человека и основных свобод (ст. 5). Детальный анализ вышеуказанных положений НПА позволил нам сделать вывод, что международные стандарты включают в содержание права на неприкосновенность личности узконаправленный смысл, неразрывно связывающий рассматриваемое право только с ограничением свободы.

Конституция РФ закрепляет гарантию каждому гражданину права на личную неприкосновенность (ч. 1 ст. 22), допуская ограничение этого права федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства (ч. 3 ст. 55 Конституции РФ). Отметим, что нормы Конституции РФ, как и международные стандарты по правам человека, раскрывают право на неприкосновенность личности в узконаправленном смысле: конституционное право на личную неприкосновенность означает, что человек не может быть лишен свободы и заключен под стражу по произволу власти.

Эти положения имеют корреспондируют уголовно-процессуальному закону (гл. 2 УПК РФ), где неприкосновенность личности трактуется не как право, а как

один из принципов уголовного судопроизводства.

Как и конституционные нормы, уголовно-процессуальный закон сводит содержание права на неприкосновенность личности исключительно к гарантиям от незаконных арестов и задержания. В связи с этим возникает справедливый вопрос, касающийся объема содержания права на неприкосновенность личности, который достаточно полно проработан в науке как в рамках отрасли конституционного права, так и в области уголовного процесса. Однако в научной среде мнения относительно рассматриваемой проблемы кардинально расходятся. Анализ юридической литературы по исследуемому вопросу позволил выделить нам два основных подхода к определению содержания права на личную неприкосновенность:

Авторы первой группы, в числе которых В.М. Чхиквадзе<sup>1</sup>, Л.Д. Воеводин<sup>2</sup>, П.А. Лупинская и В.М. Лебедев<sup>3</sup>, полагают, что рассматриваемое право необходимо понимать в узком смысле. Согласно этому подходу право на неприкосновенность личности сводится к трактовке: «никто не может быть подвергнут аресту иначе, как на основании судебного решения» и не включает в себя иные составляющие.

Аргументируя свою точку зрения, ученые оперируют следующими факторами:

– отсутствие легального определения «права на неприкосновенность личности»;

– тенденция узконаправленного понимания права на свободу и личную

неприкосновенность в международных актах;

– заимствованное из международного права узкое понимание содержания права на личную неприкосновенность в Конституции РФ, что находит отражение в позиции Конституционного Суда РФ.<sup>4</sup>

Такое понимание содержания права на личную неприкосновенность в рамках уголовного судопроизводства представляется нам несостоятельным, так как оно сужает область действия права на неприкосновенность личности, позволяя оставить права участников уголовного судопроизводства незащищенными.

Вторая группа авторов в лице Л.А. Григоряна<sup>5</sup>, И.Л. Петрухина<sup>6</sup>, В.М. Корнукова<sup>7</sup>, допускает возможность широкого толкования права на личную неприкосновенность, которое заключается в расширении составляющих содержания права на личную неприкосновенность. В качестве основных компонентов права на личную неприкосновенность ученые признают физическую, психическую, нравственную неприкосновенность, свободу располагать собой, личную свободу<sup>8</sup>.

Опираясь на изложенные выше результаты анализа научной литературы, мы пришли к выводу, что наиболее обоснованным для целей уголовного судопроизводства является широкое понимание содержания права на личную неприкосновенность. Аргументируя свою точку зрения, отметим, что в рамках уголовно-процессуальной деятельности, которая пронизана государственным принуждением, жизненно необходимым для ре-

<sup>1</sup> Чхиквадзе В.М. Гарантировано Конституцией. М., 1979. С. 150.

<sup>2</sup> Воеводин Л.Д. Конституционные права и обязанности советских граждан. М., 1972.

<sup>3</sup> Лебедев В.М. Судебная власть на защите конституционного права граждан на свободу и личную неприкосновенность в уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1998. С. 11; Уголовно-процессуальное право : учебник / под ред. П.А. Лупинской. 2-е изд. М., 1997. С. 102.

<sup>4</sup> По делу о проверке конституционности статей 220.1 и 220.2 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.А. Аветяна : постановление Конституционного Суда РФ от 03.05.1995 № 4-П.

<sup>5</sup> Григорян Л.А. Неприкосновенность личности, жилища, тайна переписки и телефонных переговоров. М., 1980. С. 34.

<sup>6</sup> Конституция Российской Федерации. Комментарий / под общ. ред. Б.Н. Топорнина, Ю.М. Батурина, Р.Г. Орехова. М., 1994. С. 144.

<sup>7</sup> Корнуков В.М. Конституционные основы положения личности в уголовном судопроизводстве. Саратов, 1987. С. 156.

<sup>8</sup> Васильева Е. Г. Проблемы ограничения неприкосновенности личности в уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. Уфа: Башкирский государственный университет, 2002.

шения задач уголовного судопроизводства, часто возникает необходимость не только в применении мер принуждения, связанных с лишением свободы, но и других процессуальных действиях, непосредственно ограничивающих физическую, нравственную и психическую неприкосновенность, индивидуальную свободу, общую свободу действий и личную безопасность, что безусловно является компонентами принципа неприкосновенности личности в уголовном процессе.

В правоприменительной деятельности следователи и дознаватели нередко сталкиваются с активным противодействием участников уголовного процесса, что вызывает необходимость использовать при производстве следственных действий физическое принуждение, которое, казалось бы, ограничивает право на личную неприкосновенность. Но по причине того, что процессуальный закон, во-первых, не отражает гарантии от незаконного применения физического воздействия, а во-вторых, не предусматривает процессуального порядка применения физической силы, возникает правовой пробел, приводящий к невозможности защиты нарушенного права на

личную неприкосновенность участников уголовного судопроизводства. Важно понимать, что в рамках уголовного судопроизводства у правоприменителя должна быть возможность не нарушать право на личную неприкосновенность, а законно его ограничивать, для чего согласно Конституции РФ законом должен быть предусмотрен специальный порядок такого ограничения.

Подводя итог, следует отметить, что помимо задержания и заключения под стражу в рамках уголовного судопроизводства существуют другие формы ограничения неприкосновенности личности, которые применяются в правоприменительной деятельности. В целях возможности защиты права на телесную неприкосновенность участников уголовного судопроизводства считаем целесообразным поднять вопрос о дополнении уголовно-процессуального законодательства, в части регламентации принципа «неприкосновенность личности» (ст. 10 УПК РФ), а именно помимо задержания и заключения под стражу, предусмотреть возможность применения иных мер, ограничивающих неприкосновенность личности, в том числе и мер физического принуждения.

*Назаров А.Д.,*

доктор юридических наук, доцент

Юридический институт Сибирского федерального университета,  
Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

### **Движение к деформализации в доказывании по уголовным делам**

Современные уголовные дела – даже по самым незначительным преступлениям, представляют собой сегодня многотомный труд следователя. Каждый шаг следователя, каждое проводимое им следственное или иное процессуальное действие – это многостраничный протокол с приложениями. «Хотели как лучше...», чтобы и права, и обязанности, и ответственность – все через протокол разъяснить всем участникам процесса, ничего не упустить: «ведь что написано пером, то не вырубишь топором...».

Возведенный «в ранг святых» формальный подход к расследованию уго-

ловных дел на современном этапе все чаще «взывает» к обратному своему действию – деформализации в уголовно-процессуальной деятельности.

Вспомнить о деформализации автора статьи побудил сюжет, который он наблюдал во время недавней научной стажировки в Германии. У одного из коллег по российской делегации прямо из гостиничного номера из сейфа с цифровым замком были похищены евро и российские пятитысячные купюры. Вызвали комиссара полиции, который тут же приехал и приступил к работе.